

Максим Николаевич ШЕВЧЕНКО¹

УДК 94(47)"15"

**ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В XVI В.
(НА ПРИМЕРЕ ОБРЯДА «ШЕСТВИЯ НА ОСЛЯТИ»)**

¹ кандидат исторических наук, преподаватель,
Омская духовная семинария Омской епархии
Русской православной церкви
(Московского патриархата)
maxsh1978@yandex.ru

Аннотация

Целью настоящей работы является раскрытие механизмов формирования сакрального образа российских властей в контексте становления великодержавной идеологии на примере обряда «шествия на осляти». В статье исследуется эволюция ритуала «шествия на осляти» в свете церемониальной и обрядовой практики Московского государства и Русской православной церкви; изучается влияние обряда на процесс формирования идеологии власти. В настоящей работе использовались историко-генетический и сравнительно-исторический методы исследования. В статье сделаны выводы, что церемония «шествия на осляти» совершалась в России в двух случаях: при поставлении в митрополиты/патриархи и в Неделю вайй. На протяжении всего XVI в. обряд «шествия на осляти» не являлся застывшей формой. Происходившие с ним изменения были связаны с формированием идеологии светской и церковной власти в России, развитием форм репрезентации религиозно-политических взглядов, эволюцией церковно-государственных отношений. В контексте становления великодержавной идеологии церемония «шествия на осляти» стала частью придворного церемониала, который обеспечивал ретрансляцию сакрального образа власти, сплачивая общество вокруг монарха и митрополита на основе принципов христианской антропологии, взглядов о параллелизме небесной и земной иерархии властей. Посредством церемоний, осно-

---

Цитирование: Шевченко М. Н. Формирование идеологии российской государственности в XVI в. (на примере обряда «шествия на осляти») / М. Н. Шевченко // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Том 3. № 3. С. 156-169.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-3-156-169

ванных на библейских сюжетах, формировалась тесная связь между «священным» и «мирским», традицией и современностью. Ритуалы, аналогичные обряду «шествования на ослиати», являлись своего рода культурным маркером, свидетельствующим о развитии России в фарватере христианского учения о смыслах истории. Вплетение повседневной хроники Московского государства и Церкви в канву многовековой христианской летописи, по мысли идеологов российского самодержавия, должно было придавать фундаментальные основания церковно-государственной политике и статусу российских властей XVI в. Обряд «шествования на ослиати» стал олицетворением обновленных взглядов на сущность власти.

Ключевые слова

«Шествие на ослиати», идеология, монархия, церковно-государственные отношения.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-3-156-169

Изучение придворных церемоний российской монархии в отечественной науке осуществляется с XIX в. До 1970-х гг. ученые исследовали придворный церемониал в основном в контексте проблемы рецепции византийской идеологии царской/императорской власти в России [4, 7, 10, 14, 21]. С 1980-х гг. можно говорить о формировании в отечественной историографии новых подходов к изучению культурного наследия в целом и придворных церемоний в частности. Одно направление было представлено тартуско-московской семиотической школой, у истоков которой стояли Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров [13, 25] и др. (например, Б. А. Успенский, исследуя семантику придворных церемоний в рамках семиотического подхода к анализу истории и культуры, использует категории «сакральное», «харизма власти», «параллелизм монарха и Бога» и т. д.) [27]. Другое направление представлено трудами философов и религиоведов Д. М. Угриновича, И. В. Суханова [23, 26] и др. В 2000-х гг. в изучении смысловых значений, статуса, функций обрядов и церемоний произошло сближение различных школ и направлений. В науке появился термин «метатеория ритуала» [12, 24]. Сторонники данного подхода интерпретируют ритуал в качестве «онтологического принципа упорядочения и гармонизации социальной жизни», который «осуществляет постоянную связь сакрального и профанного», «священного и мирского» [12].

В своей работе мы исходим из того, что придворный церемониал российской монархии создавался на основе христианских ценностей и определялся учением Православной церкви о человеке с присущими христианской антропологии символами и атрибутами.

Целью настоящей работы является раскрытие механизмов формирования сакрального образа российских властей в свете становления великодержавной идеологии на примере обряда «шествования на ослиати». Поставленная цель предполагает решение следующих задач: исследование эволюции церемонии «шествования на ослиати» в контексте церемониальной и обрядовой практики Москов-

ского государства и Русской православной церкви; изучение влияния обряда на процесс формирования идеологии власти.

К концу XV — началу XVI в. в целом завершилось объединение земель Северо-Восточной Руси во главе с Великими князьями московскими. Перед правительством в полной мере встал ряд задач: формирование центральных органов управления, усиление самодержавной власти, включение суверенного государства в международную политическую систему. К началу XVI в. Русская православная церковь с точки зрения канонических отношений с православным Востоком находилась в сложной ситуации. Во-первых, в 1441-1448 гг. фактически была установлена автокефалия Русской православной церкви, которая не была признана Константинопольской церковью. Во-вторых, стремление Рима подчинить Русскую православную церковь своей юрисдикции привело в 1458 г. к ее разделению на две части. Политика Константинопольской церкви в 1460 — 1470-х гг. лишь усугубила ситуацию и привела к появлению митрополитов-«самозванцев». Вместе с тем Литовско-русская церковь получила официальное признание со стороны Константинопольского патриарха [5, с. 503-551]. В-третьих, на претензии Рима и Константинополя церковные власти Московской Руси ответили тезисами о латинской ереси [3, с. 506-508; 19, Стб. 632-634, 636-640], «об изрушении греческого православия» [25, Стб. 711] и включили в поставление русских епископов отказ от митрополитов-ставленников Рима и Константинополя [3, с. 109; 6, с. 12; 19, Стб. 451-452. прим. 3, 683-684. прим. 2, 688-690; 20, с. 964-966]. Таким образом, канонический формат отношений с Православным Востоком был нарушен. Для легитимизации и поднятия престижа постоянно расширяющихся властных полномочий монарха и митрополита в глазах большой массы светских и духовных феодалов, повышения международного веса и влияния светской и духовной власти московское правительство с конца XV в. стало вести разработку ключевых положений новой идеологии власти, властных отношений, внутри- и внешнеполитического позиционирования Московского государства и Церкви. В создании единственного в своем роде образа монаршей и святительской власти были задействованы различные вербальные и визуальные каналы ретрансляции. Важная роль в проецировании на общественное мнение сакрального образа власти была отведена придворным церемониям и церковным ритуалам. В соответствии со сложившейся во времена Восточной Римской империи традицией церемонии и ритуалы на Руси формировались на основе библейских сюжетов. Последние являлись важной частью декретирования процесса становления централизованной системы государственного управления, практической реализации широких полномочий и прерогатив монаршей и митрополичьей власти. Олицетворением обновленных взглядов на сущность власти стал обряд «шествования на осляти».

Церемония «шествования на осляти» основывается на евангельском сюжете «вход Господень в Иерусалим» (Мф. 21:1-11; Мк. 11:1-11; Лк. 19:28-40; Ин. 12:12-19). Данный сюжет связан с тематикой «Спасение» и «Воскресение». Вместе с тем прибытие Христа в Иерусалим на осле коррелирует с помазанием

Соломона на царство (3 Цар. 1:33-40). В этой связи «вход Господень» интерпретируется как появление в Иерусалиме подлинного Царя Израиля [8]. Обряд «шествия на осляти» совершался в России в двух случаях: при поставлении в митрополиты, а затем в патриархи, и в праздник Вербного воскресения.

Хронологически первым является упоминание «шествия на осляти» при поставлении в митрополиты Московские и всея Руси игумена Троице-Сергиевой Лавры Симона в 1495 г.: «...и тогда обедоша у митрополита вси владыки, а осля тогда водил под митрополитом Михаило Русалко» [15, с. 196; 16, с. 289]. В интронизации митрополитов XVI в. данная часть церемонии, по всей видимости, становится общим местом. Так, в день своего поставления (1539 г.) митрополит Иоасаф дважды выезжал с митрополичьего двора: один раз — благословлять Великого князя, другой раз — народ: «...а осля под ним вел великого князя конюший Иван Иванович Челядин да боярин его». Возвратившись от Великого князя, Первосвятытель участвовал в праздничной трапезе в митрополичьей столовой палате, в ходе которой на определенном этапе читалось «Достойно есть», после чего митрополит выходил на двор, где вновь садился на осля «да поедет около града каменнаго в Никольские ворота, благословляти народ и весь град». После возвращения святителя на митрополичий двор праздничная трапеза продолжалась до позднего вечера [2, с. 160].

Вероятно, в том же порядке «шествие на осляти» происходило при интронизации митрополитов Афанасия (1564 г.) и Дионисия (1581 г.). В чине поставления митрополитов упоминание о шествии присутствует в виде формулярной фразы: «И ездити митрополиту на осляти, по обычею, круг города; а водити у митрополита осля царя и великого князя боярину, да митрополичю боярину» [2, с. 299-300; 22, с. 71].

Достаточно подробно описано «шествие на осляти» при поставлении митрополита Иова (с 1586 г.) в патриархи (1589 г.): «И как патриарх всел на осля, и поехал с своего двора и из града во Фроловские ворота, а под ним осля повел государев конюшей боярин Борис Федорович Годунов, да его боярин Андрей Васильевич». Следовавшая за патриархом процессия состояла из большого числа дьяконов, священников, архимандритов, игуменов, государевых дьяков, дворян, детей боярских и множества народа. Описание обряда сохранило примечательную деталь: как только торжественная процессия во главе с патриархом достигла «Тферские ворота», по указу государя конюшего боярина Бориса Федоровича Годунова сменил окольный князь Петр Семенович Ростовский. Кульминацией шествия являлась молитва Первосвятытеля перед городскими стенами на «Фроловском мосту, против образа Вседержителя над враты градными». Патриарх Иов «по молитве благословил царствующий град воздвизалным крестом и окропил святою водою». На патриаршем дворе Первосвятытеля встречал весь церковный клир «со множеством народа» [18, с. 326-327].

Обряд «шествия на осляти» в интронизации митрополита и патриарха имел заметные отличия. Во-первых, из шествия патриарха исключена поездка к государю. Во-вторых, в интронизации патриарха направление движения и оста-

новки по пути следования, связанные с молебном, должны были повторять «греческий» обряд и, следовательно, подчеркивать значимость главы Русской церкви в качестве вселенского патриарха. Протоиерей К. Никольский по этому случаю писал: «Эти священнослужения совершались у греков, и от греков перешли в русскую церковь» [14, с. 1].

О значении обряда «шествия на осляти» в контексте интронизации главы Русской церкви Константинопольский патриарх Иеремия II в XVI в. говорил следующие слова: «О Святем Духе, брате и господине мой, Иев патриарх! моляся создателю и пречистой Богородицы со оружием Христа Бога нашего, сиреч со крестом и со святою водою, сед на сие осля и ехал около града болшаго Новаго Царяграда и прообразовал Христа, истиннаго Бога нашего...» [18, с. 324]. В том же ключе о значении обряда писали исследователи XIX в.: «Епископ в день своего посвящения, на службе литургии... изображает собою Великаго Первосвященника — Господа, принесшаго собою жертву за грехи Мира. В храме совершался чин посаждения архиерея на престол и благословения им находящихся в храме людей, а вне храма было шествие архиерея на осле, или коне и при этом благословение им города и чтение молитвы у городских ворот. То и другое выражало почет вновь рукоположенному и начало его службы архипастырской» [14, с. 1, 17].

Очень мало сведений сохранилось о проведении в XVI в. обряда «шествия на осляти» в Вербное воскресенье с участием царя и митрополита/патриарха. Отцы собора 1678 г., задавшись вопросом об источниках и времени происхождения обряда, пришли к выводу, что «хода онаго светлаго в день Цветоносия бывающаго и яждения на осляти... не от древних век, но мало прежде нашего жития, во время мятежное, бывшу во государстве сем смятению великому (в Смутное время. — М. Ш.), сие действие введется во церковь и донныне хранимо бывает безпрепятно» [1, с. 308]. Исследователи XIX в., задаваясь, по сути, тем же вопросом, делали следующий вывод: «В богослужебных-же печатных книгах не было изложено чина шествия на осляти, хотя обряд совершался в такое время, когда существовали печатные богослужебные книги» [14, с. 48].

Наиболее ранние сведения об обряде «шествия на осляти» в Неделю ваий в России относятся к 1548 г. и связаны с церковной практикой новгородских архиепископов [11]. Некоторые исследователи допускают, что обряд «шествия на осляти» мог осуществляться еще новгородским архиепископом Геннадием [27, с. 440].

В Москве обряд «шествия на осляти» в Неделю ваий фиксируется по источникам не позднее 1558 г. Приведем несколько фрагментов описания церемонии: «На Вербное воскресенье... <...> Берут порядочной величины дерево; укрепляют его на двух саях... увешивают его яблоками... и другими плодами. <...> ...5 мальчиков в белых одеждах, распевающих песни о дереве (идут. — М. Ш.) перед процессией; затем идут юноши с зажженными восковыми свечами в руках и с большим факелом... за ними двое длинных хоругвей и 6 человек с круглыми блюдами на длинных подставках... следующие шестеро несут на

плечах образа. За образами духовенство, числом до 100 и более... <...> Потом шла половина царских знатных, за ними шествовали Царь и Митрополит... <...> Человек 30 расстилают свои платья перед лошадью... <...> Один из царских знатных ведет лошадь, сам же Царь идет пешком и ведет лошадь за конец повода узды одной рукой, в другой он держит вербу. За лошадью следуют остальные царские придворные, дворяне и громадная толпа народа. В таком порядке они ходят от одной Церкви к другой по Кремлю на расстоянии двух полетов ядра... возвращаются в Царскую Церковь, где и оканчивают службу» [30, с. 18-19].

Лаконичные заметки современников о торжественном шествии в Вербное воскресенье в 1560-1590-х гг. позволяют составить представление об эволюции обряда. Согласно сведениям Г. Штадена — Н. Варкоча, начиная с 1560-х гг. «шествие на ослиати» стало выходить за пределы Московского Кремля и направляться из Успенского собора к Покровской (Троицкой) церкви на Рву [17, 29, 31, 32]. В сочинении опричника Генриха Штадена сообщается, что «шествие на ослиати» в Москве совершалось ежегодно [32, с. 87-88]. Из описания Даниила фон Бухау следует, что иностранцы прекрасно усвоили значение шествия, проводимого в Неделю ваий: «...в Воскресенье, получившее название от пальмовых ветвей подстилавшихся Христу, входящему в Иерусалим, митрополит московский... севши на ослицу... входят в храм, которому имя дали от города Иерусалима. Ослицу Митрополита обыкновенно вводит... сам Великий Князь...» [31, с. 40]. Согласно сочинению посла, перед входом в храм Василия Блаженного «мальчики в белых одеждах» произносили слова псалма: «Благословен грядый во имя Господне, Осанна в вышних!» [31, с. 40], в это время народ взывал: «Осанна!» [29, с. 117]. Из сочинения иезуита Антонио Поссевино следует, что обряд мог проводиться в нескольких вариантах: «...митрополит садится на коня, покрытого ковром, которого за повод ведет князь, и если не он, то его сын или самый знатный боярин» [17, с. 210].

Таким образом, во второй половине XVI в. обряд «шествия на ослиати» в Неделю ваий претерпел существенные изменения. Если в 1550-х гг. шествие проходило внутри Кремля, то начиная с 1560-х гг. стало выходить за пределы крепостных стен от Успенского храма по направлению к собору Василия Блаженного, получившего название Иерусалима. Торжество проводилось ежегодно, было массовым, проходило на глазах у значительного количества иностранцев, было одним из наиболее почитаемых среди населения, но царь не всегда принимал в нем личное участие.

Следует отметить, что сообщение о проведении «шествия на ослиати» в 1558 г. внутри Московского Кремля еще в XIX в. поставил под сомнение протоиерей К. Никольский, полагая, что неизвестный англичанин ошибся при описании обряда. По мнению исследователя, шествие должно было проходить с выездом за крепостные стены, точно так же, как этот обряд осуществлялся в Новгороде в 1548 г. [14, с. 55-56]. Современный исследователь Б. А. Успенский считает свидетельство неизвестного англичанина достоверным на том основании, что в Московском Кремле на Годуновской улице вплоть до конца XVII в. находилась

Входо-Иерусалимская церковь, к которой могло совершаться «шествие на осли» до строительства Покровского (Троицкого) собора на Рву [27, с. 444-445]. Сведения очевидцев и аргументы Б. А. Успенского представляются нам более убедительными.

Свидетельств современников, описывающих проведение обряда «шествия на осли», в XVII в. сохранилось гораздо больше, нередко они являются весьма подробными [28, с. 136-137, 260-261]. Вместе с тем в XVII столетии власти стали фиксировать подробные описания обряда в официальных государственных и церковных документах. Сравнивая обряд «шествия на осли» в Неделю ваий, сложившийся к концу XVI в., с описаниями обряда в XVII в. [9, с. 406-417; 14, с. 45-98; 21, с. 165-175], мы пришли к выводу, что данные сведения имеют различия только в деталях. Обряд «шествия на осли» в Вербное воскресенье по форме и содержанию праздничных мероприятий в основном сформировался к концу XVI в. В XVII в. ритуал становился более торжественным, пышным, массовым, более детализированным, приближаясь к евангельскому сюжету. Например, в него вводились новые лица, а патриарх в ходе торжества произносил евангельские фразы Иисуса Христа. Важно и то, что, сформировавшись к концу XVI в., порядок действия был изменен лишь во второй половине следующего столетия [14, с. 54, 73-82; 27, с. 443].

Сопоставляя обряд «шествия на осли» при поставлении главы Церкви и в праздник Вербного воскресения, отметим следующее:

В обоих случаях Предстоятель Церкви олицетворял Иисуса Христа.

Совершаемая в дни интронизации церемония более не повторялась. Она проводилась в контексте передачи претенденту архипастырского достоинства. В ритуале подчеркивался уникальный статус Первосвященника и делегированных ему церковно-религиозных полномочий.

В Вербное воскресенье шествие совершалось ежегодно и проходило в рамках развития церковно-государственных отношений. В обряде подчеркивался сакральный статус государя, в соответствии с библейской традицией делался акцент на богоустановленности царской власти (1 Цар. 9, 10).

Монарх принимал участие только в шествии, проходившем в Неделю ваий. В дни интронизации главы Церкви представительские функции в обряде исполнял боярин Великого князя. По всей видимости, власть делала акцент на празднике Вербного воскресения в XVI в. по той причине, что видела в данной церемонии эффективную форму ретрансляции взглядов о непререкаемых прерогативах царской власти.

Торжественные церемонии в обоих случаях развивались несинхронно. Если шествие в дни интронизации митрополита/патриарха изначально выходило за рамки Кремля и совершалось вокруг города, то шествие в Неделю ваий, вплоть до постройки и освящения Покровского (Троицкого) собора на Рву в 1560 г., проходило внутри крепостных стен Москвы.

Мы полагаем, что «шествие на осли» в день интронизации Предстоятеля оказало влияние на развитие торжественного шествия с участием царя и главы

Церкви в Вербное воскресенье. В обоих случаях становление и развитие церемонии проходило в контексте реализации новой идеологии власти. По сути, со второй половины XVI в. царь и митрополит продолжили ту церковно-государственную линию, начало которой было положено в конце XV в. Напомним, что в 1492 г. митрополит Зосима в «Изложении пасхалии на осьмую тысящу лет» провозгласил тезис: «...прослави бог... великого князя Ивана Васильевича, государя и самодержца всея Руси, нового царя Константина новому граду Костянтину — Москве и всей Русской земли и иным многим землям государя» [19, Стб. 799]. Важно отметить, что тезис сформулирован на фоне эсхатологических ожиданий в контексте евангельской парадигмы «первые-последние» (Мф. 19:28-30, 20:9-16; Мк. 10:29-31; Лк. 13:25-30), где первые — это Римская империя и ее преемница Восточная Римская империя, а последние — Московская Русь [19, Стб. 797-799]. Вскоре, в 1495 г., в интронизацию митрополита Симона было включено «шествие на осляти», что, безусловно, должно было возвышать религиозный авторитет главы Русской церкви. Затем в 1498 г. митрополитом Симоном на Великое княжение был поставлен Дмитрий Иванович. Церемония поставления имела ряд заимствований из ритуала венчания на царство византийских императоров. Перечисленные события являлись первыми шагами по претворению в жизнь великодержавной идеологии. Завершением усилий по формированию легитимных основ, символов и атрибутов новой идеологии власти стали события 1589-1591 гг. Спустя тридцать лет после грамоты Константинопольского патриарха, утвердившей царский титул Иоанна IV Васильевича, в России было учреждено патриаршество и грамотой вселенских патриархов подтвержден патриарший титул главы Русской церкви [22, Стб. 97].

Итак, в середине XVI в. на основе библейских сюжетов в России были сформированы придворные церемонии и обряды, которые устанавливали тесную связь между «священным» и «мирским», традицией и современностью. В обрядах нашло отражение церковное учение о человеке. Христианские идеи привлекательны тем, что, во-первых, позволяют сформировать повестку дня, обращенную к вечности. Построение христианского царства рассматривалось как развертывание в земных условиях царства Иисуса Христа в противоборстве с мировым злом. Во-вторых, в учении отцов Церкви содержатся взгляды о параллелизме небесной и земной иерархии властей. В-третьих, христианская антропология формирует облик верующего посредством системы добродетелей, две из которых, смирение и послушание, представляют основу церковного учения о человеке. Смирение и послушание властям может рассматриваться как часть промыслительной заботы Бога о мире. Христианские идеи, взятые в таком ракурсе, подчеркивали объединительную, искупительную, спасительную роль христианской Церкви и царства. Данные воззрения представляли собой превосходную основу для сплочения различных общественных классов, социальных слоев и групп населения вокруг царя и митрополита. Вместе с тем, церемонии, аналогичные обряду «шествия на осляти», являлись своего рода культурным маркером, который указывал христианской Европе, воспринявшей взгляды о

нерушимой Римской империи, на развитие России в фарватере христианских религиозно-политических ценностей. Согласно идеологам российского самодержавия, вплетение повседневной хроники Московского государства и Церкви в канву многовековой христианской летописи должно было придавать фундаментальные основания церковно-государственной политике и статусу российских властей XVI в. на внутри- и внешнеполитической арене.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты археографической экспедиции. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836. Т. IV. 527 с.
2. Акты археографической экспедиции. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836. Т. I. 550 с.
3. Акты исторические. СПб.: Типография Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1841. Т. I. 614 с.
4. Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века / В. Е. Вальденберг. М.: Территория будущего, 2006. 368 с.
5. Голубинский Е. История Русской Церкви / Е. Голубинский. 2-е изд. М.: Университетская типография, 1900. Т. II. 919 с.
6. Дополнения к актам историческим. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1846. Т. I. 438 с.
7. Дьяконов М. А. Власть московских государей. Очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI века / М. А. Дьяконов. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1889. 221 с.
8. Епископ Кассиан (Безобразов). Христос и первое христианское поколение / Епископ Кассиан (Безобразов). URL: azbyka.ru/otechnik/Kassian_Bezobrazov/hristos-i-pervoe-hristianskoe-pokolenie/1_4_1
9. Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. / И. Е. Забелин // Изд. 3-е, доп. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1895. Т. I. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Ч. 1. 790 с.
10. Зызыкин М. В. Патриарх Никон: его государственные и канонические идеи / М. В. Зызыкин. Варшава: Синодальная типография, 1931. Ч. I-III. 1163 с.
11. Куприянов И. К. Отрывки из Расходных книг Софийского дома за 1548-й год / И. К. Куприянов. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1861. 36 с.
12. Лисина Е. А. Феномен ритуала в жизни общества (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук / Е. А. Лисина. Оренбург, 2008. 21 с.
13. Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах / Ю. М. Лотман // Таллин: Александра, 1992. Т. I. Статьи по семиотике и топологии культуры. 472 с.
14. Никольский К. О службах русской церкви, бывших в прежних печатных богослужебных книгах / К. Никольский прот. СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1885. 411 с.
15. Полное собрание русских летописей. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1910. Т. XXIII. 248 с.

16. Полное собрание русских летописей. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1959. Т. XXVI. 415 с.
17. Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. / А. Поссевино; пер. Л. Н. Годовиковой. МГУ, 1983. 270 с.
18. Русская историческая библиотека. СПб.: Типография бр. Пантелеевых, 1875. Т. II. 655 с.
19. Русская историческая библиотека. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1880. Т. VI. 682 с.
20. Русский феодальный архив XV — первой трети XVI века (Публикация архива Московских митрополитов). Вып. 5 / сост. А. И. Плигузов. М.: АЦ, 1992. 140 с.
21. Савва В. Московские цари и византийские василевсы: к вопросу о влиянии Византии на образование царской власти московских государей / В. Савва. Харьков: Типография и Литография М. Зильберберг и сыновья, 1901. 265 с.
22. Собрание государственных грамот и договоров. М.: Типография Селивановского, 1819. Ч. II. 638 с.
23. Суханов И. В. Обычаи, традиции и преемственность поколений / И. В. Суханов. М.: Политиздат, 1976. 216 с.
24. Толстогузова Н. С. Социокультурное значение ритуально-обрядовой деятельности: На примере ритуально-обрядовых практик народов Поволжья: автореф. дис. ... канд. культуролог. наук / Н. С. Толстогузова. М., 2003. 21 с.
25. Топоров В. Н. Миф, Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В. Н. Топоров. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Культура», 1995. 624 с.
26. Угринович Д. М. Обряды. За и против / Д. М. Угринович. М.: Политиздат, 1975. 178 с.
27. Успенский Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление) / Б. А. Успенский. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 680 с.
28. Устрялов Н. Сказание современников о Дмитрие Самозванце / Н. Устрялов. Изд. 3-е. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1859. Ч. I. 477 с.
29. Флетчер. О государстве русском / Флетчер; пер. проф. О. М. Бодянского. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1905. 163 с.
30. Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1884. Кн. IV. Отд. III. 390 с.
31. Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1876. Кн. III. Отд. IV. 531 с.
32. Штаден Генрих. О Москве Ивана Грозного: Записки немца-опричника / Г. Штаден; перевод и вступительная статья И. И. Полосина. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1925. 184 с.

Maksim N. SHEVCHENKO¹

**SHAPING OF THE IDEOLOGY
OF THE RUSSIAN STATEHOOD
IN THE 16TH CENTURY
(ON THE EXAMPLE OF THE RITUAL
OF “DONKEY WALK”)**

¹ Cand. Sci. (Hist.), Lecturer,
Omsk Seminary in Omsk diocese
of the Russian Orthodox Church
(Moscow Patriarchate)
maxsh1978@yandex.ru

Abstract

The aim of this work is to reveal the mechanisms of formation of the sacral image of the Russian authorities in the context of development ideology on the example of the ritual “donkey walk”. This article examines the evolution of the ritual “donkey walk” in the light of the ceremonial and ritual practices of the Moscow State and the Russian Orthodox Church; the influence of the rite on the process of forming the ideology of power is studied. In this paper we used the historical-genetic and historical-comparative research methods. The author concludes that the ceremony “donkey walk” was performed in Russia in two cases: when placing metropolitans/patriarchs and on the Week of Palm Sunday. Throughout the 16th century the ritual “donkey walk” was not a frozen form. What was happening with it was associated with the shaping of the ideology of the secular and ecclesiastical authorities in Russia, the development of forms of representation of political and religious views, the evolution of Church-State relations. In the context of ideology development, the ceremony of “donkey walk” became a part of court etiquette, which provided a relay for a sacred image of power, rallying society around a monarch and Metropolitan on the basis of the principles of Christian anthropology, views about the parallelism of the heavenly and the earthly hierarchy of the authorities. Through ceremonies based on the biblical

---

Citation: Shevchenko M. N. 2017. “Shaping of the Ideology of the Russian Statehood in the 16th Century (On the Example of the Ritual of “Donkey Walk”)”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 3, no 3, pp. 156-169.
DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-3-156-169

---

stories that formed the close relationship between “sacred” and “secular” tradition and modernity. Rituals similar to “donkey walk” were a kind of cultural marker, indicating the development of Russia in the Wake of Christian teaching about the meaning of history. The interweaving of everyday Chronicles of Moscow State and Church in the fabric of centuries-old Christian record, in the opinion of ideologists of Russian autocracy, was to give fundamentals of Church-State policies and the status of the Russian authorities of the 16th century. The Ritual “donkey walk” has become the personification of the updated views on the nature of power.

Keywords

“Donkey walk”, ideology, monarchy, church-state relations.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-3-156-169

REFERENCES

1. Akty arkhograficheskoi ekspeditsii [Acts of the Archeographic Expedition]. 1836. Vol. IV. St. Petersburg.
2. Akty arkhograficheskoi ekspeditsii [Acts of the Archeographic Expedition]. 1836. Vol. I. St. Petersburg.
3. Akty istoricheskie [Acts of History]. 1841. Vol. I. St. Petersburg.
4. Valdenberg V. E. 2006. Drevnerusskie ucheniia o predelakh tsarskoi vlasti: Ocherki russkoi politicheskoi literatury ot Vladimira Sviatogo do kontsa XVII veka [Old Russian Doctrines on the Limits of Royal Power: Essays on Russian Political Literature from Vladimir the Saint to the End of the 17th Century]. Moscow.
5. Golubinskii E. 1900. Istoriia Russkoi Tserkvi [History of the Russian Church], vol. 2. 2nd edition. Moscow.
6. Dopolneniia k aktam istoricheskim [Additions to Historical Acts]. 1846. Vol. I. St. Petersburg.
7. D’iakonov M. A. 1889. Vlast’ moskovskikh gosudarei. Ocherki iz istorii politicheskikh idei Drevnei Rusi do kontsa XVI veka [The Power of the Moscow Sovereigns. Essays from the History of Political Ideas of Ancient Russia till the End of 16th Century]. St. Petersburg.
8. Episkop Kassian (Bezobrazov). Khristos i pervoe khristianskoe pokolenie [Christ and the First Christian Generation]. http://azbyka.ru/otechnik/Kassian_Bezobrazov/hristos-i-pervoe-hristianskoe-pokolenie/1_4_1
9. Zabelin I. E. 1895. Domashnii byt russkogo naroda v XVI i XVII st. [Home life of the Russian People in the 16th and 17th Centuries], vol. I. Domashnii byt russkikh tsarei v XVI i XVII st. [Home Life of Russian Tsars in the 16th and 17th Centuries], part 1. 3rd edition, with additions. Moscow.
10. Zyzykin M. V. 1931. Patriarkh Nikon: ego gosudarstvennye i kanonicheskie idei [Patriarch Nikon: His State and Canonical Ideas], vols. I-III. Warsaw.
11. Kupriianov I. K. 1861. Otryvki iz Raskhodnykh knig Sofiiskogo doma za 1548-i god. [Excerpts from Consumable Books Sophia Homes for 1548 Year]. St. Petersburg.

12. Lisina E. A. 2008. "Fenomen rituala v zhizni obshchestva (sotsial'no-filosofskii analiz)" [The Phenomenon of Ritual in the Life of Society (Socio-Philosophical Analysis)]. Cand. Sci. (Philos.) diss. abstract. Orenburg.
13. Lotman Yu. M. 1992. Izbrannye stat'i v trekh tomakh [Selected Articles in Three Volumes], vol. 1. Stat'i po semiotike i topologii kul'tury [Articles on Semiotics and Topology of Culture]. Tallinn.
14. Nikolskii K. 1885. O sluzhbakh russkoi tserkvi, byvshikh v prezhnikh pechatnykh bogosluzhebnykh knigakh [About the Services of the Russian Church, Which Were in the Previous Printed Liturgical Books]. St. Petersburg.
15. Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete Collection of Russian Chronicles]. 1910. Vol. XXIII. St. Petersburg.
16. Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete Collection of Russian Chronicles]. 1959. Vol. XXVI. Moscow; Leningrad.
17. Possevino A. 1983. Istoricheskie sochineniia o Rossii XVI v. [Historical Works on Russia 16th Century]. Translated by L. N. Godovikova. Moscow State University.
18. Russkaia istoricheskaiia biblioteka [Russian Historical Library] 1875. Vol. II. St. Petersburg.
19. Russkaia istoricheskaiia biblioteka [Russian Historical Library] 1880. Vol. VI. St. Petersburg.
20. Pliguzov A. I. (comp.). 1992. Russkii feodal'nyi arkhiv XV — pervoi treti XVI veka. (Publikatsiia arkhiva Moskovskikh mitropolitov) [Russian Feudal Archive of the 15th — First Third of the 16th Century. (Publication of the Archives of the Moscow Metropolitans)], vol. 5. Moscow.
21. Savva V. 1901. Moskovskie tsari i vizantiiskie vasilevsy: k voprosu o vliianii Vizantii na obrazovanie tsarskoi vlasti moskovskikh gosudarei [Moscow Kings and Byzantine Basilists: To the Question of the Influence of Byzantium on the Formation of the Royal Power of Moscow Sovereigns]. Kharkov.
22. Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov [Collection of State Charters and Treaties]. 1819. Vol. II. Moscow.
23. Sukhanov I. V. 1976. Obychai, traditsii i preemstvennost' pokolenii [Customs, Traditions and Continuity of Generations]. Moscow.
24. Tolstoguzova N. S. 2003. "Sotsiokul'turnoe znachenie ritual'no-obriadovoi deiatel'nosti: Na primere ritual'no-obriadovykh praktik narodov Povolzh'ia" [Sociocultural Significance of Ritual-Ritual Activity: On the Example of Ritual-Ritual Practices of the Peoples of the Volga Region]. Cand. Sci. (Cultur.) diss. abstract. Moscow.
25. Toporov V. N. 1995. Mif, Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe [Myth, Ritual. Symbol. Image: Research in the Field of Mythopoetic: Favorites]. Moscow.
26. Ugrinovich D. M. 1975. Obriady. Za i protiv [Rites. Pros and Cons.]. Moscow.
27. Uspenskii B. A. 1998. Tsar' i patriarkh: kharizma vlasti v Rossii (Vizantiiskaia model' i ee russkoe pereosmyslenie) [Tsar and Patriarch: The Charisma of Power in Russia (Byzantine Model and Its Russian Rethinking)]. Moscow.
28. Ustrialov N. 1859. Skazanie sovremennikov o Dmitrii Samozvantse [Legend of Contemporaries about Dmitri Pretender], vol. 1. St. Petersburg.
29. Fletcher. 1905. O gosudarstve russkom [On the Russian State]. Translated by O. M. Bodiatsky. St. Petersburg.

30. Chteniia v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities at the Moscow University]. 1884. Book. 4. Otd. III.
31. Chteniia v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities at the Moscow University]. 1876. Book. 3. Otd. IV.
32. Shtaden G. 1925. O Moskve Ivana Groznogo: Zapiski nemtsa-oprichnika [About Moscow of Ivan the Terrible: Notes of a German Oprichnik]. Translation and introduction by I. I. Polosin]. Moscow.